

Инакомыслие или конформизм: нравственный выбор интеллигенции в России

Употребление самого понятия «интеллигенция», не имеющего точных аналогов в других языках и вошедшего в западную культуру как своеобразное заимствование из сочинений русских авторов, имеет уже достаточно давнюю историю. Б. А. Успенский ссылается в своём исследовании на дневниковую запись В. А. Жуковского от 2 февраля 1836 г., где тот со сдерживаемой иронией пишет о «лучшем петербургском дворянстве», представляющем «всю русскую европейскую интеллигенцию»¹. При этом Б. А. Успенский сомневается в справедливости мнения С. О. Шмидта², что уже в 30-е годы XIX века слово «интеллигенция» употреблялось для обозначения целой социальной группы. В последнем смысле термин стал использоваться, вероятно, польской (а вслед за ней — и русской) печатью в 40-е годы, но не приобрёл тогда сколько-нибудь широкого распространения. Лишь во второй половине 60-х годов, как принято считать, с «лёгкой руки» писателя П. Д. Боборыкина³, о чём последний любил напоминать, слово «интеллигенция» постепенно вошло в обиход русской образованной публики.

Осознавая то несомненное обстоятельство, что гуманитарная наука, в частности — история, не может при обозначении многих явлений обойтись без использования терминов, которые не были известны современникам и участникам этих явлений, по моему мнению, предпочтительнее, однако, употреблять понятия, присущие рассматриваемой культурной эпохе. При таком подходе наши, неизбежно субъективные, характеристики и оценки (с «высоты»

¹ Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 408.

² Шмидт С. О. К истории слова «интеллигенция» // Россия — Запад — Восток. Встречные течения: К столетию со дня рождения М. П. Алексеева. М., 1996. С. 409—417.

³ Современный литературный критик и историк литературы С. И. Чупринин пишет, что П. Д. Боборыкин «раньше всех оповещал о появлении новой знаменитости или нового умственного веяния, первым — в романе “Жертва вечерняя” — употребил слово “интеллигенция” в его современном значении» (См.: Чупринин С. И. Труды и дни П. Д. Боборыкина // Боборыкин П. Д. Сочинения. М., 1993. Т. 1. С. 16.).

науки начала XXI века!) будут всё же несколько ближе к реалиям изучаемого нами общества.

Это соображение, в свою очередь, влияет на понимание и процесса становления, и самой сущности такого явления как «русская интеллигенция». Не только в трудах отечественных философов конца XIX – первой половины XX века, но и в работах современных учёных заметна тенденция отнести формирование интеллигенции в России то к периоду первого поколения «славянофилов» и «западников» (вариант: ко времени написания знаменитого письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, то есть к 1847 году), либо к опубликованию в журнале «Телескоп» в 1836 г. одного из «Философических писем» П. Я. Чаадаева, потрясшего, по словам А. И. Герцена, всю мыслящую Россию, а то и к эпохе Пушкина и декабристов. Более «радикальные» авторы называют «первыми русскими интеллигентами» писателей и общественных деятелей второй половины XVIII века А. Н. Радищева и Н. И. Новикова. Но и это ещё не всё. Замечательный русский мыслитель Г. П. Федотов, уже будучи в эмиграции, писал, что «по-настоящему, как широкое общественное течение, интеллигенция рождается с Петром»⁴, а два пролога «трагедии интеллигенции» он видел в явлениях культуры Киевской Руси (!) и Московского государства XVI–XVII вв. Таким образом, приходится констатировать, что многие авторы склонны относить формирование русской интеллигенции к эпохе, когда самого этого термина не существовало и когда люди, якобы составлявшие «интеллигенцию», не осознавали, скорее всего, себя особым социальным слоем и соответственно не обладали «корпоративным» самосознанием. Подобная позиция, на мой взгляд, достаточно уязвима и не вполне корректна в научном отношении.

Спору нет: и Новиков с Радищевым, и, тем более, Чаадаев с Белинским (можно назвать ещё с десятков часто упоминаемых в работах о русской интеллигенции фамилий) имеют непосредственное отношение к истории рассматриваемого явления, но, по моему мнению, это скорее *предтечи*, но не родоначальники русской интеллигенции. Их литературное и философское творчество, их общественная позиция важны для понимания генеалогии интеллигенции, но это не есть ещё собственно её история. Я думаю, что русская интеллигенция как общественно значимое явление и как явление, участники которого осознают свою роль (в данном случае уместно даже сказать – свою миссию), существовала не так уж долго, чуть более полувека – с конца 60-х годов XIX века до начала 20-х годов XX века (условно в качестве конечной хронологической грани можно даже назвать более точную и символическую дату – осень 1922 г., отправление из России пресловутого «философского парохода»).

Естественно, возникает вопрос: что же, после 1922 года интеллигенции в нашей стране разве не осталось? Да, в силу ряда обстоятельств (о них я скажу чуть позже) тот феномен, который принято называть «русской интеллигенцией»⁵, фактически перестал существовать. Вся политика большевистской пар-

⁴ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 79.

⁵ В последние 15–20 лет из соображений наивно понятой «политкорректности» слово «русский» почти повсеместно в научной литературе, а не только в публицистике вытеснено словом «российский». Возможно, это резонно по отношению к современным реалиям, но отнюдь не по отношению к явлениям жизни русского общества второй половины XIX – начала XX

тии и складывавшегося тоталитарного государства была направлена на *иско- ренение* русской интеллигенции и на формирование принципиально иного социального слоя — «советской интеллигенции». Хочу быть правильно поня- тым. И невольно вспоминаю «школьный казус» (дело было в самом конце 50-х годов): на уроке литературы молодая учительница долго нам, шестиклассникам, разъясняла: «Так вы, ребята, поняли: Чехов — это русский писатель, а Максим Горький — это уже не русский, а пролетарский, советский писатель!». Конечно, настоящие русские интеллигенты оставались и в 20–30-е, и даже в 60–70-е годы! Но это были, скорее, одиночки, выполнявшие тоже очень важную, но уже иную общественную миссию. А интеллигенция как общественное явление стала *каче- ственно* иной. И осознавала себя иначе, и иначе видела, говоря словами героя романа Юрия Германа, «дело, которому ты служишь». Исходя из этих сообра- жений, полагаю, что есть несколько разных, хотя и взаимно связанных «исто- рий»: есть предыстория русской интеллигенции (конец XVIII — середина XIX века), есть собственно история русской интеллигенции (середина 60-х годов XIX века — начало 20-х годов XX века) и есть история советской интеллигенции, охватывающая те примерно 70 лет, когда существовал Советский Союз.

Немалая разногласица существует и в понимании сущности «русской интеллигенции». Например, известный литературовед Д. Н. Овсяннико-Кули- ковский считал возможным толковать это явление в самом широком смысле: «... интеллигенция — это всё образованное общество; в её состав входят все, кто так или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно принимает участие в умственной жизни страны»⁶. Г. П. Федотов же в середине 20-х годов думал совсем по-другому: «Прежде всего ясно, что интеллигенция — категория не профессиональная. Это не “люди умственного труда” (intellectuals). Иначе была бы непонятна ненависть к ней, непонятно и её высокое самосознание. Приходится исключить из интеллигенции всю огромную массу учителей, теле- графистов, ветеринаров (хотя они с гордостью притязают на это имя) и даже профессоров (которые, пожалуй, на него не притязают). Сознание интелли- генции ощущает себя почти как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс — чести, нравственности, — своё призвание, свои обеты. Нечто вроде средневекового рыцарства, тоже не сво- димого к классовой, феодально-военной группе, хотя и связанное с ней, как интеллигенция связана с классом работников умственного труда»⁷. И далее

века. Так же, как существовала великая русская литература, была и «русская историческая школа», а к числу замечательных русских философов относятся не только, к примеру, Е. Н. Трубецкой или Н. А. Бердяев, но и поляк по происхождению Г. Г. Шпет, еврей М. О. Гершензон, как и В. Ф. Эрн, отец которого был полушвед-полунемец, а мать — полурусская-полуполька. И все они считали себя русскими мыслителями и, несомненно, относились к русской интел- лигенции! Вопрос этнического происхождения явно второстепенен по сравнению с факто- ром самосознания, принадлежности к той или иной культуре. Поэтому известные сомнения вызывает, например, вопрос, можно ли отнести к числу русской интеллигенции М. А. Вилин-скую, ставшую классиком украинской литературы (под псевдонимом Марко Вовчок), хотя она родилась в русской дворянской семье в Орловской губернии и несмотря на её «дружбу-любовь» с таким типичным представителем русской интеллигенции 60-х годов, как Д. И. Писарев.

⁶ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. статей. М., 1991. С. 382.

⁷ Федотов Г. П. Указ. Соч. С. 68–69.

Г. П. Федотов следующим образом определяет мировоззрение русских интеллигентов: «У всех этих людей есть идеал, которому они служат и которому стремятся подчинить всю жизнь: идеал достаточно широкий, включающий и личную этику, и общественное поведение; идеал, практически заменяющий религию (у Чаадаева и некоторых других, впрочем, связанный с положительной религией), но по происхождению отличный от неё. Идеал коренится в “идее”, в теоретическом мировоззрении, построенном рассудочно и властно прилагая к жизни как её норма и канон. Эта “идея” не вырастает из самой жизни, из её иррациональных глубин, как высшее её рациональное выражение... Говоря простым языком, русская интеллигенция “идейна” и “беспочвенна”. Это её исчерпывающие определения»⁸.

Суждения Г. П. Федотова во многом разделял такой, казалось бы, далёкий от него мыслитель, как Исая Берлин. Он писал: «Интеллигенция» — русское слово, оно придумано в XIX веке и обрело с тех пор общемировое значение. Сам же феномен со всеми его историческими, в полном смысле слова — революционными, последствиями, по-моему, представляет собой наиболее значительный и ни с чьим другим не сравнимый вклад России в социальную динамику. Не следует путать интеллигенцию с интеллектуалами. Принадлежащие к первой считают, что связаны не просто интересами или идеями; они видят себя посвящёнными в некий орден, как бы пастырями в миру, назначенными нести особое понимание жизни, своего рода новое евангелие»⁹.

«Идейность» русской интеллигенции выражалась прежде всего в поисках «правды жизни», а «правду» она понимала скорее как социальную справедливость, а не как истину. Поэтому Н. А. Бердяев имел должные основания горестно заметить: «С русской интеллигенцией в силу исторического её положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к *уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине* (выделено Н. А. Бердяевым — В. С.)»¹⁰. Отсюда, от этой любви к «народному благу», происходит, с одной стороны, удивительно трогательная, порой даже сентиментальная, «совестливость» интеллигенции, её боль и её забота обо всех «униженных и оскорблённых» при одновременной идеализации «бедных людей», нежелании видеть дурные, а иногда и просто отвратительные черты внутреннего мира «человека из народа». С другой стороны, подобное мировоззрение заставляет русскую интеллигенцию занять позицию обличителей существующих социальных порядков и тех государственных институтов, которые, по мнению интеллигенции, лишь укрепляют несправедливый общественный строй. В том же сборнике «Вехи», где была опубликована цитированная выше статья Н. А. Бердяева, П. Б. Струве писал, что «историческое значение интеллигенции в России определяется её отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении. С этой точки зрения интеллигенция, как политическая категория, объявилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ и окончательно обнаружила себя

⁸ Там же. С. 70.

⁹ Берлин И. Рождение русской интеллигенции // Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 9.

¹⁰ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи; Из глубины. М., 1991. С. 17.

в революцию 1905—07 гг. Идеино же она была подготовлена в замечательную эпоху 40-х гг. В облике интеллигенции, как идейно-политической силы в русском историческом развитии, можно различать постоянный элемент, как бы твёрдую *форму*, и элемент более изменчивый, текущий — *содержание*. Идеиной формой русской интеллигенции является её *отщепенство*, её отчуждение от государства и враждебность к нему»¹¹.

Следовательно, вполне определённые две *сущностные* черты русской интеллигенции: убеждённость в том, что, говоря хрестоматийными словами Н.А. Некрасова, «доля народа, счастье его, свет и свобода прежде всего», и «святая вера» в то, что способствовать «счастью народа» можно лишь на путях оппозиционности, а то и прямой борьбы с властями. Подобная ситуация не может не привести к складыванию двух узловых проблем развития русской интеллигенции и всего российского общества — «интеллигенция и народ» и «интеллигенция и власть». Драма интеллигенции состояла как раз в том, что т. н. «народу» позиция «власти» была если не ближе, то во всяком случае понятнее, чем позиция интеллигенции. И в этом состояло одно из проявлений той её «беспочвенности», о которой писал Г. П. Федотов.

Интеллигенция слишком верила в разум человека и общества в целом и явно недооценивала ту «почву», во многом иррациональную, на которой «произрастают», причём десятилетиями, а то и веками, самые разные и порой удивительные человеческие устремления и даже инстинкты. В этом смысле русские интеллигенты действительно были наследниками просветителей. Наверное, достаточно резонна и та генеалогическая линия, которую выстраивает в своём исследовании Б. А. Успенский. Знаменитая формула С. С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» (1832 г.) была полемически противопоставлена лозунгу Французской революции «Свобода. Равенство. Братство», а уваровскую триаду пытается опровергнуть уже радикальная интеллигенция, провозглашая якобы принципы «духовности, революционности и космополитизма»¹². Подобно тому, как идеи Просвещения пришли в Россию из Западной Европы, так и другие рационалистические доктрины, включая марксизм, зародились не на русской почве. Но, как остроумно заметил И. Берлин, все эти теории никогда не имели столь многочисленных и горячих адептов у себя на родине, как в России. «Такова была, к примеру, судьба поклонения народу: оно восходит к Гердеру и немцам, но лишь обрядившись в русские одежды, вырвалось за пределы Центральной Европы и стало в наше время взрывоопасным движением мирового масштаба...»¹³.

Но почему же «поклонение народу» не могло у русских интеллигентов второй половины XIX-начала XX вв. сочетаться с «поклонением властям», иначе говоря, с конформизмом? Наряду с выше отмеченными обстоятельствами, был и ещё один существенный фактор, на который я хочу обратить особое внимание. Речь идёт о глубоком своеобразии всей русской культуры, отразившемся, несомненно, и на судьбах интеллигенции в России. Об этом убедительно

¹¹ Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи; Из глубины. М., 1991. С. 153.

¹² Успенский Б. А. Указ. Соч. С. 404—406.

¹³ Берлин И. Обязательства художника перед обществом // Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 35.

писал Ф. А. Степун: «Если было бы нужно назвать главную черту, отличающую русскую культуру от западной, то вряд ли можно было бы указать на что-либо более важное, чем на разное отношение к началу автономии. Начиная с Возрождения и Реформации, это начало с каждым десятилетием всё решительнее подчиняло все сферы культуры своему «освобождающему» влиянию. Это освобождение искупалось отрывом всех сторон духовной жизни от её религиозного центра, чем и объясняется: отделение церкви от государства, идея «беспредпосылочной философии», и «искусства ради искусства», представляющее собою по Канту «бесцельную целесообразность». Формула Ивана Киреевского, по которой Европа представляет собою «атомизм в жизни и рационализм мысли», для современной Европы быть может характернее, чем она была для Европы 40-х годов прошлого века.

В России начало автономии, начало самодовлеющих в себе замкнутых областей культуры ведущей роли не играло. Беспредпосылочная, рационально выхоленная философия защищалась мыслителями, не оставившими в России никакого следа. Ведущая же русская философия, начиная со славянофилов, почти без исключения исходила из религиозно-метафизических предпосылок; формула «бесцельной целесообразности» к русскому искусству оказалась также непреложима, как формула «беспредпосылочной философии» к русской мысли. Русское искусство в творчестве своих крупнейших представителей убеждённо преследовало цель устроения жизни. Одни верили, что устроить её может только вера, а другие, что это может сделать только революционный социализм»¹⁴.

По наблюдениям многих выходцев из России, проживших затем долгие годы на Западе, европейских интеллектуалов отличало от русских интеллигентов в числе других два обстоятельства: они, будь то философ или поэт, художник или историк, как правило, не стремились способствовать своим творчеством *всеобщему переустройству жизни*, а просто, в меру своего таланта и профессиональных навыков, трудились на избранном ими поприще. Кроме того, европейское общество четко отделяло профессиональную деятельность человека от его частной жизни, и это порой производило не вполне приятное впечатление на русских интеллигентов, привыкших связывать «дело» художника или мыслителя с его «нравственным» (или «безнравственным»!) обликом.

Тот же Ф. А. Степун рассказывает в своих замечательных воспоминаниях «Бывшее и несбывшееся» поразивший его эпизод во взаимоотношениях автора со знаменитым гейдельбергским профессором философии В. Виндельбандом. У совсем ещё молодого Степуна трагически погибла жена, и его друзья передали это печальное известие через Виндельбанда. Последний тут же написал своему ученику «прочувствованное, душевное письмо». Степун был тронут и, вернувшись после похорон в Гейдельберг, предполагал, что теперь у него с Виндельбандом неизбежно установятся более тёплые, душевные отношения, чем прежде. Каково же было разочарование Степуна, когда, как пишет он в своих мемуарах, «из-за письменного стола привычно приподнялся давно знакомый мне действительный тайный советник профессор Виндельбанд», хотя и сказавший «несколько полагающихся соболезнующих слов», но тем не менее не задавший «ни одного более или менее интимного вопроса о том, как всё случилось». Вспо-

¹⁴ Степун Ф. А. Встречи. М., 1998. С.14–15.

миная этот частный случай из собственной жизни, Степун считает возможным сделать и более общие сопоставления. «... Русская интеллигентская культура сознательно строилась на принципе внесения идеи и души во все сферы общественной и профессиональной жизни, в то время как более старая и опытная европейская цивилизация давно уже привыкла довольствоваться в своём житейском обиходе простою деловитостью». И далее: «Немецкая профессиональная культура целиком покоится на труде, знании и жажде постоянного совершенствования. Души, в русском смысле, в ней немного, но успех её очевиден»¹⁵.

Интересные суждения о нерасторжимости, по мнению русских интеллигентов, не только взглядов, но также общественного и бытового поведения «человека» и «творца» высказывает английский либеральный мыслитель Исайя Берлин, родившийся, кстати, в Риге, а детские годы проведший в революционном Петрограде. Он сравнивает два различных подхода к творчеству и частной жизни «творца», условно называя их «русским» и «французским». Последний исходит из того, что «интеллектуалом или художником движет взятое перед собой и публикой обязательство делать то, что умеешь, по возможности лучше... С этой “французской” точки зрения частная жизнь художника касается публики не больше, чем частная жизнь столяра. Заказав столяру стол, никто ведь не интересуется, с добрыми или дурными намерениями тот за него взялся и хорошо или скверно относится он к жене и детям». И далее И. Берлин замечает, что «русский» подход заключается в принципиальной невозможности отделить поведение человека в быту от его творческой и общественной позиции: «Невозможно и подумать, что любой из нас ведёт себя на выборах, за мольбертом и в кругу семьи совершенно иначе. Человек неделим»¹⁶. И. Берлин остроумно пишет: «Докажи кто-нибудь, что Бальзак шпионил в пользу французского правительства, а Стендаль был замешан в биржевых махинациях, это известие, вероятно, опечалило бы их друзей, но вряд ли бросило бы тень на статус и дар самих художников. А вот среди русских авторов, будь они уличены в занятиях такого рода, вряд ли хоть один усомнился бы в том, что подобный поступок перечеркивает всю его писательскую деятельность. Даже не представляю себе русского писателя, который использовал бы в качестве алиби тот простой довод, что положение писателя — это одно, а частные дела индивида — другое и не надо их путать»¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что неповторимой особенностью русской интеллигенции было осознание ею своего права и даже своего долга активно воздействовать на все стороны жизни российского общества, а также её представление о «неразделимости», с точки зрения нравственности, профессиональной деятельности и частной жизни интеллигента. Подобная убежденность, хотя бы в качестве нравственного императива, существовала не только у «шестидесятников» XIX века, но и через сто лет — у «шестидесятников» двадцатого века.

В российском обществе на протяжении ряда десятилетий существовало как бы два «центра», едва ли не в равной степени претендовавшие и на решение всех социально значимых проблем, и на формирование нравственного идеала

¹⁵ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М.-СПб., 1995. С. 81–83.

¹⁶ Берлин И. Рождение русской интеллигенции // Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 24.

¹⁷ Там же. С. 27.

современного им общества. С одной стороны, это — власть, государственные институты, включая «огосударвленную» церковь. С другой, это — интеллигенция. Каждая из сторон была убеждена в собственной правоте и, увы, не отличалась толерантностью, склонностью к компромиссам и сотрудничеству. В таких обстоятельствах естественно складывавшимся «сценарием» развития общественной ситуации в стране была радикализация отношений между интеллигенцией и властями. Для значительной части интеллигенции это был переход от умеренной легальной оппозиции к участию в революционной борьбе.

Несомненно, может возникнуть вопрос: а как быть с теми писателями и историками, художниками и философами, которые не находились в оппозиции к правительству, а порой и прямо поддерживали его консервативный курс? Не говоря уж о таких хорошо образованных людях, как С. С. Уваров или К. П. Победоносцев, как быть с такими замечательными русскими писателями, как А. Ф. Писемский, Ф. М. Достоевский и Н. С. Лесков, с такими русскими публицистами и мыслителями, как М. Н. Катков и Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов и К. Н. Леонтьев? Ответ выглядит столь же простым, сколь, вероятно, и спорным: они не были интеллигентами, как не осознавал себя, уверен, интеллигентом и граф Л. Н. Толстой, несмотря на его оппозиционность властям и официальной церкви. Но своеобразие обстановки в России второй половины XIX-начала XX вв. заключалось в том, что общественным признанием и нравственным авторитетом среди значительной части русской интеллигенции, особенно студенческой молодёжи, пользовались не только великие писатели и оригинальные философы, а в ещё большей мере — демократически настроенные и радикально мыслящие деятели, скажем, Н. Г. Чернышевский или Н. К. Михайловский. Сейчас уже с удивлением читаешь о том, что, когда в 1904 году умер Н. К. Михайловский, за его гробом шли сотни тысяч людей...

Возвращаясь к проблеме, поставленной в заголовок настоящей статьи, можно несколько парадоксально заметить, что перед русскими интеллигентами подобная дилемма (конформизм или инакомыслие?) не возникала. Это объясняется тем, что образованная часть российского общества считала интеллигентами лишь «критически мыслящих личностей», причём далеко не всякая оппозиционность «обеспечивала» образованному человеку его принадлежность к интеллигенции. Это должна была быть оппозиционность либерального или даже леворадикального направления и рационалистического толка. Образованный (а порой и «полуобразованный»!) и большей частью молодой¹⁸ человек, отвергая чиновничью карьеру и становясь в оппозицию к властям в искренней надежде послужить благу народа, уже *тем самым* входил в круги русской интеллигенции. В глазах современников нельзя было успешно продвигаться по государственной службе, придерживаясь «почвеннических» взглядов и к тому же ещё — слыть интеллигентом.

Подобная ситуация могла, вероятно, существовать в дореволюционной России и в силу сложившихся социально-политических обстоятельств. Вряд ли где в Европе была такая дистанция (и в материальном, бытовом уровне жизни, и в приобщённости к достижениям культуры) между положением образован-

¹⁸ История культуры свидетельствует, что у большинства людей, чьё мировоззрение эволюционировало, в зрелые годы, а тем более в пожилом возрасте наблюдается обычно поворот к более консервативным убеждениям.

ной части общества и «народом». Но решать назревшие социальные вопросы путём открытой политической дискуссии самодержавная власть в России не считала возможным и целесообразным. Поэтому всякая свободная мысль превращалась в «инакомыслие», а её автор неизбежно становился оппозиционером. Но, хотя царское правительство не поощряло инакомыслящих, а иногда и прямо их преследовало, всё же следует признать, что в России конца XIX — начала XX века *власть допускала проявления инакомыслия*. Оппозиционером, если только он не был замешан в открыто революционных действиях, в частности, в террористических актах, можно было жить (иногда, правда, в ссылке) годами и десятилетиями, несмотря на отсутствие в стране конституционных свобод.

Положение резко изменилось после Октября 1917 года. В России была свергнута «власть помещиков и капиталистов», чему немало способствовала значительная часть русской интеллигенции. Но последняя уже очень скоро почувствовала, что на смену царскому самодержавию пришло «самодержавие» более крутого и безжалостного образца — большевистское. Поначалу, правда, были иллюзии, и Александр Блок в январе 1918 года ещё призывал интеллигенцию: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»¹⁹. Но уже 13 сентября 1919 года историк Ю. В. Готьё, позднее ставший академиком, записал в своём дневнике: «Гуляя, я видел русских интеллигентов, пилящих дрова; не боясь плоской шутки, скажу, что интеллигенция, которая своими усилиями довела дело до того, что ей самой приходится пилить дрова, — вполне этого достойна; на другое она не годится»²⁰.

Конечно, трагедия русской интеллигенции заключалась не в том, что ей «пришлось пилить дрова», а прежде всего в том, что предложенное ею социальное «лекарство» оказалось хуже «болезни». Особенно прискорбным было положение таких интеллигентов, как В. Г. Короленко: убеждённый демократ, он при царском режиме отвоевал себе право защищать истину и интересы преследуемых людей даже в открытой печати, но после Октябрьской революции не мог спасти безвинных от расстрелов «в административном порядке». В письме к А. В. Луначарскому от 22 сентября 1920 года В. Г. Короленко горестно заметил, что «сердце сжимается при мысли о судьбе того слоя русского общества, который принято называть интеллигенцией»²¹.

Советская власть поставила прежнюю русскую интеллигенцию перед трудным, чтобы не сказать — трагическим, выбором: конформизм или свобода (вариант: конформизм или эмиграция). Позже, в сталинскую эпоху, дилемма стала ещё страшнее: конформизм или жизнь. Выражение инакомыслия даже в тех ограниченных пределах, которое допускалось в царской России, оказалось запрещено. Ф. А. Степун писал, что «большевики экспроприировали не только физическую силу человека, но и все его верования и убеждения: находясь на советской службе, все должны были притворяться убежденными коммунистами. Все это и делали, но за быстро и небрежно нацепленной коммунистической маской скрывались очень разные люди, а потому и разные способы приспособления»²². Отношение большевистской власти к интеллигенции ярко и вполне определённо

¹⁹ Блок А. А. Собрание сочинений. М.—Л., 1962. С. 20.

²⁰ Готьё Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 311.

²¹ Короленко В. Г. Собрание сочинений. Л., 1990. Т.3. С. 474.

²² Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М.—СПб., 1995. С. 584.

выразил вождь пролетарской революции В. И. Ленин. Полемизируя с Горьким, он заметил, что «интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и её пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно»²³.

Даже не зная этих ленинских слов, прежняя русская интеллигенция очень скоро осознала своё положение при советской власти. Значительная часть интеллигенции вынуждена была смириться. В последующей жизни эти несчастные люди уже во многом подтверждали то определение, которое им дал большевистский вождь. Но разве можно их за это осуждать? Ведь в реальной действительности почти каждый человек скорее согласится стать тем, кем определил интеллигентов В. И. Ленин, чем превратиться в «лагерную пыль».

Литературный критик и историк русской общественной мысли Иванов-Разумник (Р. В. Иванов), сам испытавший тюрьму и ссылку, но не пошедший на сделку с совестью, делил оставшихся в России писателей 20–30-х годов на «погибших», «задушенных» и «приспособившихся». «Погибших в советской действительности писателей были десятки и десятки, задушенных цензурой – сотни, приспособившихся – тысячи... А если говорить не об одних писателях, а вообще о деятелях культуры, то здесь и конца-края не будет рассказам о погибших, о задушенных, о приспособившихся»²⁴. Кстати, замечу, что роль конформистов в истории отечественной культуры может быть оценена и весьма положительно. С. Э. Шноль недавно писал: «Жизнь науки не определяется лишь противоборством героев и злодеев. Возможно, в парадоксальном смысле истинными героями науки являются конформисты. Это особенно верно в условиях тоталитарных режимов... Участь конформистов трудна. Им приходится сотрудничать со злодеями и терпеть неодобрение современников. Да и грань между героизмом, конформизмом и злодейством тонка. Но утешеньем им может быть сознание выполненного долга – спасенья тех, кого такой ценой удастся спасти, долга сохранения важного для всех нас общего дела»²⁵. Действительно, вынужденный конформизм представителей «старой» интеллигенции иногда мог в советскую эпоху помочь спасти конкретного человека или даже конкретное дело. Но ведь русская интеллигенция всегда стремилась к абсолютной справедливости, а достичь её на путях конформизма, увы, невозможно.

В те же послереволюционные десятилетия складывается новая, советская интеллигенция. Она была *иной* – и с точки зрения её формирования (процесс не был естественным, а направлялся властями), и по социальному происхождению, и по степени образованности, и по самосознанию, по целям, которые она перед собой ставила. Г. П. Федотов писал: «Интеллигенция, уничтоженная революцией, не может возродиться, потеряв всякий смысл. Теперь это только категория работников умственного труда или верхушка образованного класса»²⁶. И история советской интеллигенции – это совсем другая история.

²³ Цит. по: Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 2. С. 184.

²⁴ Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 61.

²⁵ Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. М., 2001. С. 4–5.

²⁶ Федотов Г. П. Указ. соч. С. 100.